ВТОРОЙ АПОКАЛИПСИС

КНЯЗЬ ПУСТОТЫ

Тьма прежних времен

Воин-пророк

Тысячекратная Мысль

•

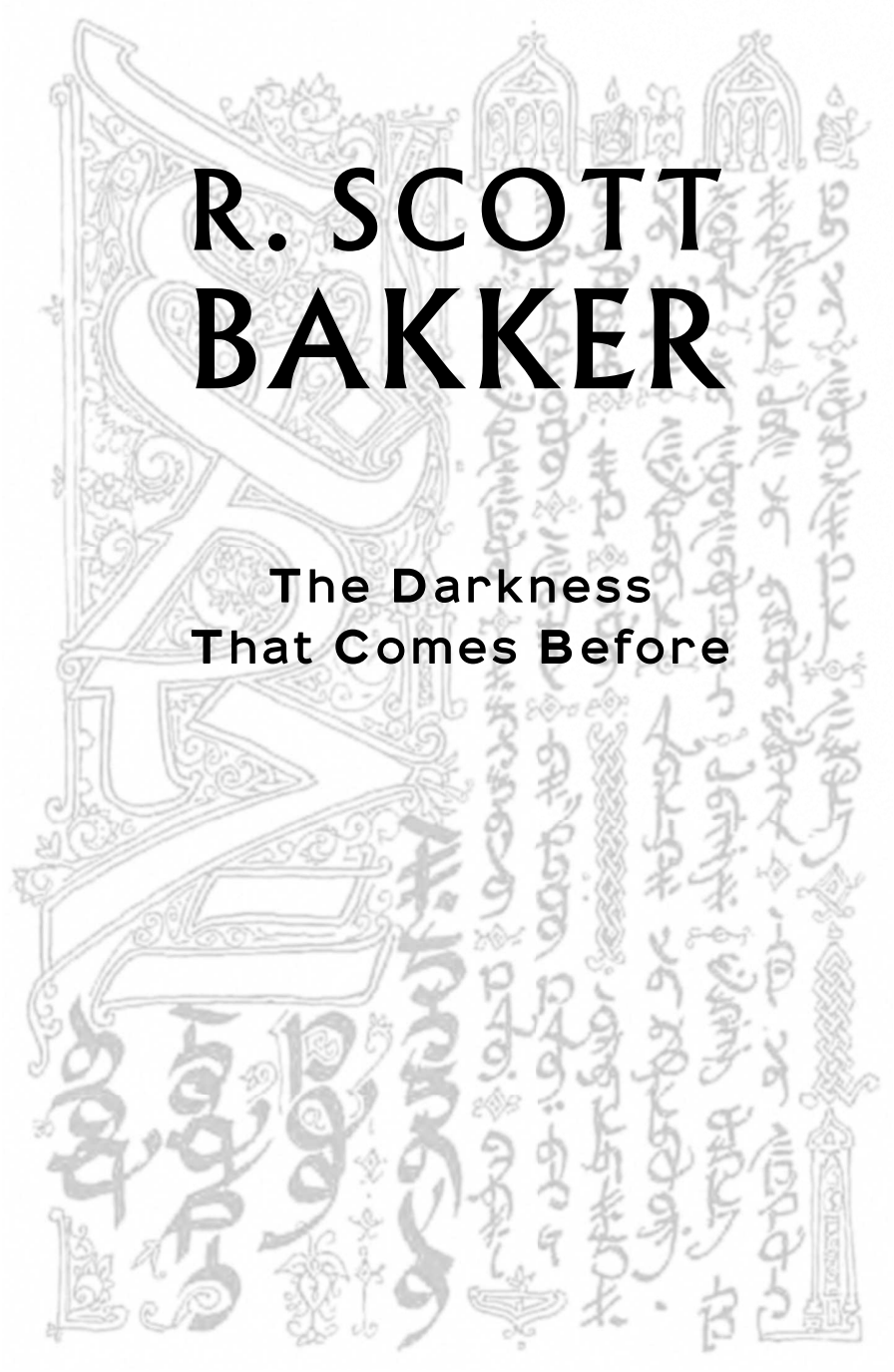
АСПЕКТ-ИМПЕРАТОР

Око Судии

Воин Доброй Удачи

Великая Ордалия

Нечестивый Консульт

R. SCOTT BAKKER

The Darkness That Comes Before

Р. СКОТТ БЭККЕР

Тьма прежних времен

FANTZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
С44

R. Scott Bakker
THE DARKNESS THAT COMES BEFORE
Copyright © 2003 by R. Scott Bakker

Перевод *Анны Хромовой*
Иллюстрация *Валерия Петелина*
Карты *Р. Скотта Бэккера*

Скотт, Бэккер Р.

С44 Тьма прежних времен / Р. Скотт Бэккер ; [перевод с английского А. Хромовой]. — Москва : Эксмо, 2027. — 688 с.

ISBN 978-5-04-243427-3

Две тысячи лет прошло с тех пор, когда на мир Эарвы обрушился Первый Апокалипсис. В те времена нашлись герои, что смогли победить Не-бога Мог-Фарау и рассеять его слуг. Ныне служители Завета, школы, основанной с целью предотвратить возвращение Не-бога, вновь предчувствуют грядущие потрясения и видят знамения Второго Апокалипсиса. И вот в великом городе Моменне новоизбранный шрайа Тысячи Храмов собирает под своими знаменами народы Трех Морей, объявляя войну против язычников фаним, — пришло время вернуть праведникам Священный город Шайме! Но лишь немногие догадываются, что у этой войны куда больше целей...

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

© А. Хромова, перевод на русский язык, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-243427-3

Шэрон:

«Пока не было тебя, я не ведал надежды».

Благодарности

Труд писателя — занятие одинокое, и именно поэтому, как ни парадоксально, мы столь многим обязаны другим. Когда нитей немного, они должны быть прочными. Поэтому я хочу поблагодарить:

Мою спутницу, Шэррон О'Брайен, — за то, что она помогла этой книге стать настолько хорошей, насколько это вообще было возможно, и за то, что сделала меня человеком лучше, чем я есть.

Моего брата, Брайана Бэккера, — за то, что верил в мои тексты еще до того, как появились тексты, в которые можно было верить.

Моего друга, Роджера Айхорна, — за его исчерпывающую критику, проницательные замечания и собственные книги, которые постоянно напоминают мне, как это должно делаться.

Моего редактора, Майкла Шелленберга, — за умение видеть возможность в катастрофе, за терпимость к моему сквернословию и за неизменное «справедливо», какими бы ужасными ни были мои доводы.

Всех в Penguin Canada — за то, что стали такой счастливой и гостеприимной семьей.

Нэнси Проктор — за ее замечательный и незаменимый дневник читательских реакций. Кейтлин Свит — за дружбу и советы.

Ника Смита — за то, что открыл дверь, и Кён Чо — за то, что провел меня через нее.

Всех моих друзей и родных — за поддержку и ободрение.

Мою кошку Салли — за ее неизменную компанию в любой, даже самый глухой час.

Я также хотел бы поблагодарить всех, кто критиковал мои главы на старом DROWW, а еще Совет по социальным и гуманитарным исследованиям Канады — за то, что дал парню из рабочей семьи образование, которое иначе было бы ему не по карману.

Кстати говоря, я должен поблагодарить и моего учителя седьмого класса, мистера Аллена, за то, что он меня разбудил.

С тех пор я ни разу по-настоящему не спал.

Я не перестану подчеркивать один маленький факт, неохотно признаваемый этими суеверами, а именно: мысль приходит, когда «она» хочет, а не когда «я» хочу.

Фридрих Ницше. «По ту сторону добра и зла»

Пролог

Пустоши Куниюрии

Если понимание приходит лишь после событий, значит, мы ничего не понимаем. Таким образом, можно дать следующее определение души: то, что предшествует всему.

Айенсис. «Третья аналитика рода человеческого»

Горы Дэмуа, 2147 год Бивня

От того, что забыто, стеной не отгородиться.

Цитадель Ишуаль пала в разгар Армагеддона. Но не армия безжалостных шранков взяла приступом ее укрепления. Не огнедышащий дракон разбил в щепки ее могучие ворота. Ишуаль была тайным убежищем верховных королей Куниюрии, а никто, даже Не-бог, не может взять в осаду место, о котором ему неведомо.

За несколько месяцев до того Анасуримбор Ганрел II, верховный король Куниюрии, бежал в Ишуаль вместе с уцелевшими приближенными. Его часовые задумчиво вглядывались со стен в темные леса, раскинувшиеся у подножия гор. Их терзали воспоминания о пылающих городах и обезумевших толпах. Когда над стенами цитадели завывал ветер, они судорожно хватались за равнодушные каменные зубцы: этот звук напоминал им боевые рога шранков. А затем люди принимались шепотом успокаивать друг друга: разве не удалось им уйти от погони? Разве стены Ишуаль не прочнее скал? Где еще, если не здесь, может человек пережить конец света?

Первым мор унес самого верховного короля, как, быть может, то и подобало: здесь, в Ишуаль, Ганрел только рыдал да ярился, как может яриться лишь владыка, лишенный власти. Той же ночью его придворные спустились в леса вслед за носилками с телом короля. Свет погребального костра отражался в зрачках волков, которые осмелились выйти из леса. Придворные не пели траурных песнопений — лишь мысленно прочли несколько торопливых молитв.

Не успел утренний ветер развеять пепел короля и унести его в небеса, как болезнь поразила еще двух человек: наложницу Ганрела и ее дочь. А потом начала перекидываться от одного к другому, словно стремилась извести королевский род до последнего человека. Часовых на стенах становилось все меньше, и хотя оставшиеся по-прежнему всматривались в горизонт, видно им было мало. Крики и стоны умирающих затмевали им взор и наполняли страхом их разум.

А вскоре и часовых не осталось. Пятеро рыцарей Трайсе, спасшие Ганрела после разгрома на поле Эленеот, неподвижно вытянулись на своих ложах. Великий визирь, чьи золотые одежды были в пятнах от кровавого поноса, лежал, растянувшись на полу, бок о бок со своими колдовскими свитками. Дядя Ганрела, тот самый, кто возглавил отчаянный штурм врат Голготтерата в дни начала Армагеддона, повесился у себя в покоях, и его тело тихонько покачивалось на сквозняке. Королева смотрела в никуда — поверх покрывал, запачканных гноем.

Из всех, кто бежал в Ишуаль, выжили только незаконный сын Ганрела да бард-жрец.

Мальчишка боялся странного поведения барда и его бельма. Он прятался и выбирался из своего убежища лишь тогда, когда голод становился невыносим. Старый бард непрерывно разыскивал его, распевая старинные песни, при этом перевирая слова на самый богохульный лад.

— Отчего ты не выходишь, отрок? — восклицал он, слоняясь по галереям. — Покажись! Я буду петь тебе! Я поведаю тебе все тайные песнопения! Я хочу разделить с тобой былую славу!

Однажды вечером бард поймал-таки мальчишку.

— Прости меня, прости, — бормотал он снова и снова, но слезы катились лишь из его слепого глаза. — Какие могут быть преступления, когда в живых никого не осталось?

Но мальчишка остался жив. И как-то вечером, пять дней спустя, он заманил барда-жреца на отвесные стены Ишуаль. И когда пьяный бард, пошатываясь, подошел к краю, мальчишка спихнул его вниз. Он потом долго сидел на стене, всматриваясь сквозь мрак в исковерканный труп барда. А под конец решил, что этот труп ничем не отличается от остальных, разве что еще истекает кровью. Какое может быть убийство, когда в живых никого не осталось?

Пришла морозная зима, и крепость стала казаться еще более пустынной. Поднявшись на стену, мальчик слушал, как в темных лесах поют и грызутся волки. Он выпрастывал руки из рукавов, обнимал себя за плечи, защищаясь от холода, и бормотал себе под нос песни покойной матери, наслаждаясь ледяными укусами ветра. А то еще, бывало, бегал по дворам, откликаясь на волчий вой боевыми кличами куниюрцев и размахивая оружием, таким тяжелым, что шатался от его веса. А время от времени протыкал трупы отцовским мечом, и глаза его светились надеждой и суеверным страхом.

Когда сошли снега, он услышал крики и вышел к главным воротам Ишуаль. Он выглянул в темную щель амбразуры и увидел толпу исхудалых, похожих на покойников мужчин и женщин, которым удалось пережить Армагеддон. Заметив в воротах его силуэт, те разразились криками: они требовали и молили еды, убежища — чего угодно. Мальчик так перепугался, что ничего не ответил. Изможденные, они походили на зверей — на стаю волков.

Когда пришельцы полезли на стены, мальчик убежал и спрятался в подземельях крепости. Они, как и бард, принялись разыскивать и громко звать его, обещая ему безопасность. В конце концов один из них отыскал его: мальчик притаился за бочонком с рыбой. Пришелец сказал не ласково и не грубо:

— Мы дуниане, отрок. Почему ты боишься нас?

Но мальчишка стиснул отцовский меч и заплакал.

— Пока люди живы, творятся преступления! — воскликнул он.

Глаза пришельца наполнились изумлением.

— Нет, отрок, — возразил он. — Это лишь до тех пор, пока люди заблуждаются.

Несколько мгновений юный Анасуримбор молча смотрел на него. Потом торжественно отложил в сторону отцовский меч и взял пришельца за руку.

— Я был принцем, — негромко произнес он.

Пришелец вынес его к остальным людям, и они все вместе отпраздновали нежданную удачу. Они взывали — не к богам, которых они отвергли, но друг к другу, — говоря, что такое совпадение воистину изумительно. Здесь они смогут поддерживать священнейшую ясность мысли. В Ишуаль нашли они убежище от ужасов конца света.

Все еще изможденные, однако облаченные в королевские меха, дуниане соскребли со стен колдовские руны и спалили свитки великого визиря. Драгоценности, халцедоны, шелка и золотая парча были погребены вместе с трупами членов королевской династии.

И мир забыл о них на две тысячи лет.

Три племени: нелюди, люди и шранки:
Первым судьба — забывать,
Вторым — вечно страдать,
Третьим — на все и на всех наплевать.

Старинная куниюрская детская песенка

Это история великой и трагической Священной войны, история борьбы могущественных фракций, стремившихся управлять ходом этой борьбы и извратить суть ее, и это история сына, искавшего отца. Как и во всех историях, именно нам, выжившим, суждено написать ее завершение.

Друз Ахкеймион. «Компендиум Первой Священной войны»

Конец осени, 4109 год Бивня, горы Дэмуа

Опять вернулись сны.

Бесконечные пейзажи, истории, состязания в вере и образованности — все это обрушивалось водопадом мелких подробностей. Кони, спотыкающиеся на скользкой почве. Скрюченные пальцы, стискивающие комья глины. Мертвые тела, распластанные на берегу теплого моря. И, как всегда, древний город, выбеленный солнцем, на фоне бурых холмов. Священный город... Шайме.

А потом — голос, тонкий, словно звучащий из узкого, как тростинка, горла змеи:

— Пришлите ко мне моего сына!

Спящие пробудились одновременно, все как один задыхаясь, тщась отделить разумное от невозможного. Повинуясь обычаю, установившемуся после первых снов, они собрались в лишенных света глубинах Тысячи Тысяч Залов.

И решили, что терпеть подобное поругание более нельзя.

Анасуримбор Келлхус поднимался в гору по неровной тропинке. Он опустился на одно колено и оглянулся на монастырскую цитадель. Укрепления Ишуаль возносились над елями и лиственницами, но могучие стены казались игрушечными на фоне горных вершин, изборожденных ущельями.

«Видел ли ты это, отец? Остановился ли ты, оглянулся ли в последний раз?»

Далекие фигуры цепочкой прошествовали между рядами зубцов и исчезли за каменной стеной. Старшие дуниане прекращали свое бдение. Келлхус знал, что они спустятся по массивным каменным ступеням и один за другим войдут во тьму Тысячи Тысяч Залов: огромный лабиринт в подземных глубинах под Ишуаль. Там они умрут, как и было решено. Все, кого запятнал его отец.

«Я один. Осталась лишь моя миссия».

Келлхус повернулся к Ишуаль спиной и принялся подниматься дальше сквозь лес. Горный ветер был напоен горьким ароматом смолы и хвои.

Когда стало смеркаться, Келлхус достиг тех мест, где деревья уже не росли. Два дня карабкался он по заснеженным склонам и наконец достиг перевала горного хребта Дэмуа. За перевалом, под мятущимися облаками, простирались леса тех земель, которые некогда звались Куниюрией. Келлхус задумался о том, сколько таких равнин предстоит ему пройти, прежде чем он разыщет своего отца. Сколько рассеченных ущельями линий горизонта сменится перед ним, прежде чем он достигнет Шайме?

«Шайме будет моим жилищем. Я стану жить в доме моего отца».

Он спустился по гранитным уступам и вступил в чащобу.

Он брел через сумрачные лесные чертоги, через колоннады могучих красных стволов, где стояла тишина, веками не нарушаемая человеком. Он высвобождал свой плащ, запутавшийся в кустарнике, и преодолевал бурные горные потоки.

Леса у подножия Ишуаль мало чем отличались от этих, но Келлхусу отчего-то было не по себе. Он остановился, пытаясь вернуть душевное равновесие — он использовал для этого древнюю методику, предназначенную для тренировки дисциплины разума. В лесу было тихо, беззаботно перекликались птицы. Но Келлхус слышал раскаты грома...

«Со мной что-то происходит. Это первое испытание, отец?»

Он нашел ручей, дно которого пестрело солнечными зайчиками, и опустился на колени у самой воды. Зачерпнул, поднес горсть к губам. Вода оказалась на удивление сладкой и утоляла жажду куда лучше любой воды, что ему доводилось пробовать раньше. Но как может вода быть сладкой? И как может обыкновенный солнечный свет, преломленный струями бегущей воды, быть таким прекрасным?

То, что было прежде, определяет то, что будет потом. Монахи-дуниане посвящали всю свою жизнь исследованию этого

принципа. Стремясь свести к минимуму любые сумасбродные случайности, они проясняли и распутывали неуловимую сеть причинно-следственных связей, которые определяют все сущее. Из-за этого в Ишуаль все события разворачивались с неумолимой, твердокаменной последовательностью. Как правило, все, вплоть до прихотливой траектории полета листа, упавшего с ветки в саду, было известно заранее. Как правило, любой мог предугадать, что скажет его собеседник, прежде чем тот успевал открыть рот. Знать то, что было прежде, означало предвидеть, что произойдет дальше. А предвидение того, что произойдет дальше, обладало особой безмятежной красотой и означало священную общность интеллекта и обстоятельств — дар Логоса.

Эта миссия стала первым настоящим сюрпризом для Келлхуса со времен детства, когда он только учился постигать мир. До сих пор жизнь его была размеренным ритуалом учения, самовоспитания и постижения. Все было доступно. Все было понятно. Но теперь, бредя по лесам исчезнувшей Куниюрии, Келлхус чувствовал себя камнем в бурном потоке. Он стоял неподвижно, а мир вокруг несся, как текучая вода. И со всех сторон на Келлхуса, подобно беспокойным волнам, накатывались все новые непредсказуемые события: то нежная трель незнакомой пичужки, то колючки неизвестного растения, застрявшие в плаще, то змея, скользящая через солнечную лужайку в поисках неведомой добычи.

Вот над головой раздавалось сухое хлопанье крыльев — и Келлхус на миг замирал на ходу. Вот ему на щеку садился комар — Келлхус прихлопывал его и тут же замечал у тропы дерево с поразительно искривленным стволом. Окружающий мир захлестывал его, навязывался ему, и вот Келлхус уже чутко отзывался на все вокруг: и на скрип ветвей, и на бесконечную изменчивость воды, струящейся по камням. Все это трепало его, точно волны прибоя.

Под вечер семнадцатого дня в сандалию попал сучок. Келлхус его вытащил, поднял и принялся изучать на фоне грозовых туч, катившихся по небу. Он с головой ушел в его форму, в тот путь, который сучок прокладывал по небу, — в стройные и мощные